

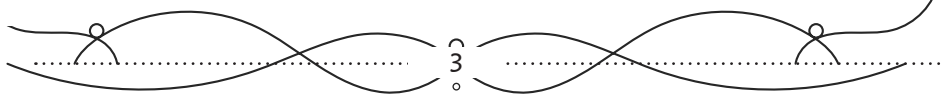
ПЕРЕДНЄ СЛОВО АВТОРА

Ви тримаєте перед собою мою нову гумористичну книгу. Що я маю сказати вам про неї до початку читання?

Це повість в оповіданнях про вже відому багатьом із соцмереж та попередніх історій героїню, таку собі жіночку-пампушечку середнього віку з умовним ім'ям пупуса Жизель. Я почала її писати в період окупації українського Херсону військами РФ. Жодна з історій не вигадана, має під собою реальну ситуацію, була пережита мною або близькими людьми в 2022 році. Але точних портретів і документалістики тут нема — усі персонажі зібрані, а події художньо переосмислені. Це своєрідна данина пошани кожній херсонській жінці, волелюбній наддніпрянській степовичці. І саме для підтримки землячок ще в окупації я публікувала окремі оповідання онлайн, хоч і усвідомлювала ймовірну небезпеку для себе.

Перед читанням важливо зрозуміти ще одне. Я — україномовний автор, але попередній цикл оповідань про Жизель був суржико- та російськомовним. Причина проста: оповідання писалися з «натури», а до 2022 року ця «натура», пересічні херсонці, часто говорили саме суржилом та російською. Окупація змінила все: ми перейшли на українську, і я не могла не відбити цей перехід — того вимагає і художня, і життєва правда. Щоб зробити це максимально щиро та некон'юктурно, я вдалася до експерименту, у якому ви всі візьмете участь. Так, перші дві історії повністю написані російською і навіть деякі герої дратують проросійськістю, а далі...

Далі на очах у вас, шановні читачі, станеться диво. Те, чого не могли зробити за 30 років ані лагідні українізатори, ані апологети українізації примусової, зробили росіяни

протягом лютого-березня 2022 року. Ми, не маючи інших засобів спротиву, захищалися від них мовою — то ховалися в неї, як в обійми матері, то піднімали її, як стяг, у критичну або й останню хвилину.

Другою зброєю був наш суто херсонський анархічний гумор. Тому треба розуміти ще одне: «Жизель і мир» — не героїчна хроніка, вона не відбиває всіх подій, що сталися в окупацію. Це низка іронічних та сатиричних оповідань про ту страшну буденщину, з якої смієшся, аби лиш не плакати.

Я вдячна за натхнення Наталі Шеменковій, Ользі Чернишовій, Юлії Майстренко, Ігорю Івершеню, Ірині Панариній, Віталію та Ганні Маланій, Галині Лисенко, Марії Макаровій, Власті Худенко, Миколаю та Вірі Рибак, Віталію Гулевському, Ганні Щидловській, Єлизаветі Жарких, Галині Бокшань, Олесі Галдун, Яні Голубятниковій, Анжелі Слободян, Олені Ваніній, Андрію Гідулянову, родинам Юр'євих, Каганських, Ярових, Абдурашитових, Пархоменко, Гладиш, а також окремо Альоні Мовчан та Олександрі Книзі за ідею створення вистави «Буде тобі, враже» за мотивами моєї книги.

Окрема вдячність і вічна пам'ять воїнам і землякам, які встигли надихнути на роботу — Дмитру Медвідю й Олександрі Меньшову, а також моему коханому чоловікові Борису.

Автор Альона Олена Маляренко

І щоб не плакати,
Я сміялась.

Леся Українка

Легли мы как-то спать
23 февраля...
а прокинулись
24 лютого.

Ліга сміху.
Одеські манси

ПУПУСЯ ЖИЗЕЛЬ И «РАССВЕТ НОВОЙ ЖИЗНИ»

Жизель проснулась от сильного хлопка, как будто с треском и шумом лопнула огромная крышка. Или разорвало брошенный в костер баллон. Только очень громко. И очень далеко. «Показалось, — полежав рядом с ровно храпящим мужем, подумала она. — Он бы хоть заворочался, случись что серьезное».

Зевнув, Жизель повернулась в тишине на другой бок и собралась еще немного поспать — даже не рассвело еще. Но звук внезапно повторился наяву. Очень близко и как-то слишком громогласно.

— Ты слышал?! — схватила она мужа за плечо. — Что это?

— Да взрыв, наверное... — приподнялся тот на локте и тоже зевнул. — Зна-а-аешь, сейчас это снова в моде: отправлять наглых новых украинцев «сегодняшня» повидаться с мертвыми «новыми русскими» из 90-х. Помнишь, как тогда? То тачку подожгут, то гранату в хату, то во дворе расстреляют. Так что «никогда такого не бывало, и вот опять». Нам-то какая печаль?

— Да?.. Ну, может быть, может быть... Ладно, отдыхай.

Жизель все-таки включила настольную лампу, взяла смартфон. Дело шло к пяти утра, она вошла в региональную ленту новостей. И тут снаружи рвануло так, что во дворе хором завывли сигнализации всех припаркованных как попало автомобилей! Никогда еще эти нивы, таврии, ланосы, шкоды и внедорожники не были столь едины и не звали своих хозяев так отчаянно и жалобно.

— Ого! Это уже серьезно! Неужели Димке, адвокату, опять машину подожгли? — муж вскочил, выглянул в окно,

но ни пожара, ни суеты не заметил. Только в соседних высотках дружно загорались огни.

По коридору прошлепала россыпь шагов — дети босиком вбежали в их спальню. Повинуясь забытой привычке забираться по утрам к родителям, они едва не нырнули к ним под одеяло, но притормозили — подростки, соображают! — и просто плюхнулись по краям кровати.

— Ма-ам, что это было? — спросила старшая.

— Ой, ну не делай круглые глаза, Ирка, — решил пошутить, скрывая испуг, малой. — Девочка, девочка, а пукнула так, что район колыхнуло. Не давайте ей больше попкорн на ночь жрать!

— А я думала, это один дурачок во сне с кровати упал и ушами загремел! Мама! Пусть он рот свой закроет! — возмутилась дочь.

— Серый, ну ты что? — шутя погрозил хлопцу отец.

— Тихо все! Котя, а действительно, что это может быть? — снова спросила у мужа Жизель: ей почему-то стало страшно.

— Ну... Х-ха! Путин напал, наверное, — пошутил отец семейства. — Наши шаманы его, как дождь, во все бубны зазывали. Вот, мужик решил уважить.

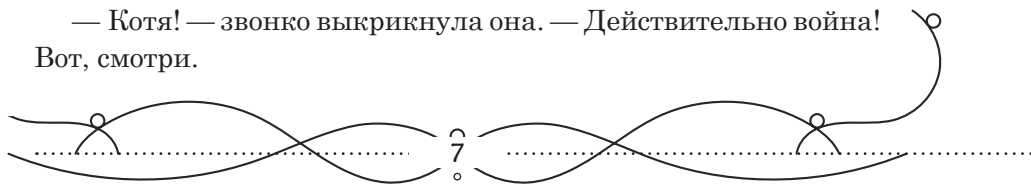
— «Нам объяви-и-и-или, Киев бомби-и-и-или», — поддержал папку и фальшиво затянул Сережа, приплясывая вокруг кровати.

— Слышь, рахит жизнерадостный, это тебя ветераны из кружка «деды воевали» научили так петь? — съехидничала Ира и подставила брату подножку.

— Вообще не смешно, — нахмурилась Жизель.

Она не успела раздать толком замечания семейству, корчившемуся в припадках нервного юмора, как лента новостей на экране смартфона ожила и, несмотря на ранний час, посыпала ужасающими заголовками.

— Котя! — звонко выкрикнула она. — Действительно война! Вот, смотри.

— Да ну бред, — слабо возразил тот.

Он взял сперва смартфон жены, потом свой, словно перепроверяя, а вдруг там, у него, какие-то другие новости, не бабские? Но по лицу стало очевидно: те же, и они не радуют...

Жизель встала, накинула халат и сгребла в охапку затихших детей: «Что делать, что делать?» — защелкали в голове мысли.

Страшные звуки больше не повторялись. Но было слышно, что ожил, зашевелился весь подъезд. Можно было ощутить сквозь стены, что сейчас в каждой квартире творится то же самое — недоуменное ожидание, недоверчивый поиск информации, нарастающая тревога. «Мы сами сейчас повзрываемся» — мелькнула у нее мысль.

— Мам, — неожиданно попросил Сережка, — А у нас будет что покушать? А то так захотелось... вдруг...

— Да-да, конечно. Пойдемте на кухню, включим телек, сделаем оладушков...

— Панкейков! — потребовала Ира. — И варенье откроем. Абрикосовое!

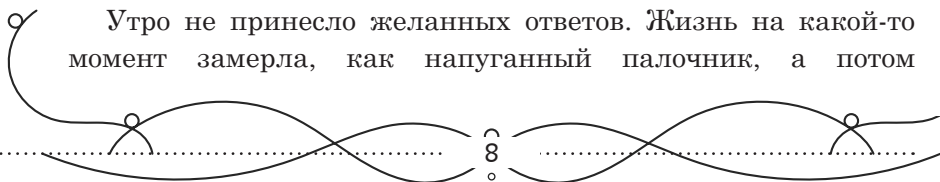
— Панкейков. Откроем, — согласилась Жизель. — А папа пока со всем разберется и нам все расскажет. А мы подумаем, что правда, что нет, и что нам делать. Хорошо?

Не разнимая объятий, они двинулись из комнаты — еле бочком в дверь прошли.

— Хм, папка разберется... Ты думаешь, сейчас ворвется стадо орлов и закричит: «Сюрприз! Программа розыгрыш! Посмотрите сюда! Вас снимали скрытой камерой?» — пробормотал папа вслед вышедшей с детьми жене так тихо, что никто его не услышал и не понял, что ему тоже страшно.

Он встал с кровати — пора разбираться в жизни, и это... надо маме позвонить. Пусть приезжает и будет здесь, ну и с детьми посидит, пока то да се.

Утро не принесло желанных ответов. Жизнь на какой-то момент замерла, как напуганный палочник, а потом

стремительно ускорила и все заметались, как тушканчики перед песчаной бурей. На остановках, в магазинах, во дворах — всюду с обеда толпились люди. Только и разговоров было: над Каховской ГЭС уже русский флаг, русские под Олешками, группа войск движется к Киеву.

— Неужели конец? — паниковали они.

— Доскакались, — злорадствовали другие.

— Хрен им, а не Херсон! — утверждали третьи.

— Да ладно, какая разница, россияне — тоже люди, жили же с ними при Союзе и сейчас поживем, разве нет? — бормотали четвертые.

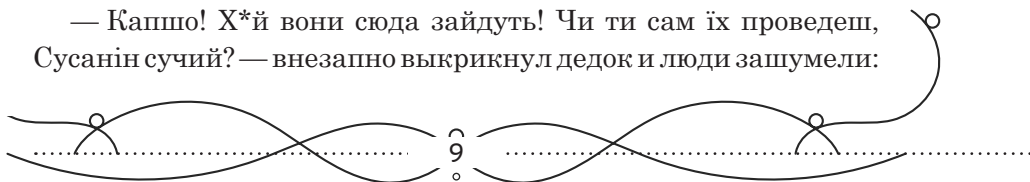
На улицах тем временем появились странные «глашатаи нового порядка», не местные, рассказывающие, как хорошо будет херсонцам под Россией — надо, мол, только смириться и немного потерпеть. Некоторые им хмуро и как-то жалко внимали, но были и другие. Перед Жизелью на остановке разыгралась преинтереснейшая сцена:

— В Каховке все мирно прошло. Один раз жажнули, чтоб неповадно было дергаться, все и заткнулись. Потом в город зашли вежливо утречком русские и прям сразу по конторам прошлись, с людьми поговорили. Говорят: работайте, как и раньше, все хорошо будет. Зарплату рублями будете получать, мы просто порядок наведем и все. И люди работают! Армия укроповская сбежала, теперь сюда русские зайдут, и тоже будет все нормально, — тихо и вкрадчиво вещал худой невзрачный мужчинка неопределенного возраста, зудя и зудя, как зубная боль, над склонившими головы людьми. Его странный монолог начал утомлять пупусю, и она ответила, случайно вызвав бурю:

— Вы это от их имени и по поручению нам рассказываете, или у вас обычное утреннее недержание слов, личное? — ехидно поинтересовалась она.

— Что? — удивился протесту невзрачный спикер.

— Капшо! Х*й вони сюда зайдуть! Чи ти сам їх проведеш, Сусанін сучий? — внезапно выкрикнул дедок и люди зашумели:

— Де ти таке падло взялося?

— Какие тебе здесь русские? Зачем?

— Нам и без них нормально!

— А давайте у него проверим документы!.. — заволновался народ и «глашатай» ретировался.

Вот так, с приключениями и без, хоть их и не вызывали сегодня, Жизель с мужем оказались каждый в своем офисе в роли одиноких фанатиков, которые вообще дошли на работу в тот страшный день 24 февраля. Побродив по пустым кабинетам и созвонившись с начальством и друг с другом, каждый потом с трудом возвращался домой.

Еще одно сильное впечатление дня — бесплатные (БЕСПЛАТНЫЕ!) маршрутки, набитые до отказа и гудящие как улей. Мимо них в восточную сторону города мчала тяжелая украинская военная техника. А дома — спасибо бабушке, свекрови, прибывшей на зов мужа — телевизор, молчавший последние лет 10, разрывался. На кухне ревели радио. У детей со смартфонов вещали ютуберы. Туда же, к ютуберам, ушел от реальности и муж.

Жизель позвонила маме в Черкасы и под ее влиянием активировала древнюю опцию «спички, соль, крупа и мыло». Так что она дотемна еще раз вынырнула из дома и выполнила среднехерсонскую норму паники с обязательным ритуалом стояния в очередях, хаотичными закупками и стрессу от непрекращающегося потока «ББС» (баба бабе сказала).

По возвращению, пока она разгружала сумки и удивлялась бесполезности сделанных покупок, на нее обрушился поток профессиональных медиасплетен, ретранслируемых мужем — ох, как все жутко и туманно! Вроде звучало и умно, и логично — не было говорящих собак и налетающих на небесную ось планет, но даже мировые новости разошлись во мнениях. Так, одни пророчествовали скорый, в три-пять дней, захват Украины русским блиц-кригом (добрым и справедливым — по утверждению российских каналов, подлым и ужасным — по утверждению западных СМИ). Другая

группа аналитиков утверждала, что россияне хотят быстро обезоружить и напугать власти Украины, ее американских и европейских партнеров, и, лишь угрожая полномасштабной войной, вынудить всех засесть за переговоры по отведению НАТО (мол, все отделаются лёгким испугом). Третья же группа вещателей обещала Киеву скорую и блистательную победу над Москвой, подтверждая выводы мнением карпатских мольфаров и прочих авторитетов, не забывая напоминать, что Бог тоже с нами. Кто-то да поможет.

Реже, от экспертов Израиля, мелькала и тонула, как щепка в водовороте, мысль о том, что это будет длительный, то затухающий, то воспламеняющийся, и крайне кровавый конфликт. Что эта война, назревавшая давно и провоцируемая отовсюду — закономерное продолжение глобального процесса передела мировых сфер влияния. И что Украина — разделочный стол, на котором перекраивают по живому карту мира ведущие геополитические игроки Россия и Америка, а также притаившиеся за их спиной Турция и Китай. И что лучше всего было бы, минуя кровавую фазу, как можно скорее перейти к переговорам, но... Актуальнее будет планировать бюджет соучастия в войне на годы, и делать инвестиции со ставками на далекое будущее.

Вообще, тема переговоров упоминалась, не развиваясь. Ведь, когда массы требуют быстрых и непримиримых решений, верят то вождям, то оппозиционерам, и не думают сами, — именно компромиссная точка зрения оказывается самой неинтересной и непопулярной, как раз тогда, когда компромисс еще возможен, и даже выгоден. О нем заговорят и захотят его позже, от усталости, по злой иронии, когда он будет невыгоден никому, станет патовым, цугцванговым...

— Что будет, муж? Что будет? — спрашивала, как попугай, Жизель, еще глядя с надеждой в любимое лицо.

— Да не переживай скоро все решится, не переживай, — твердил тот, глядя на нее с незнакомой отрешенной

и блуждающей улыбкой какими-то посветлевшими и остановившимися глазами ребенка.

— Как решится? — уточняла она полупшепотом, чтобы не слышали дети.

— Ну... Если верить ВВП, то россияне разгонят бандеровцев и продавшихся американцам политиков, посадят своих людей, оставят группу силовой поддержки и уйдут. И будем жить, как и жили в ранние нулевые. Типа просто наведут порядок. Как-то так...

— А у них он есть? — внезапно взорвалась пупуся. — Порядок этот? В Тагиле, Шантарске, в Элисте об этом знают? Они его видели? Откуда у них столько порядка, что можно на танках экспортировать?

— Не начинай, а?

— Нет, ты послушай! — уже почти кричала она. — Если у них претензии к Киеву, зачем Харьков обстреляли? Это же страшно! Что мы будем делать, если они ТАК принесут свой «порядок» сюда?

Обычно муж, доверявший все эти годы российским властям и журналистам более, чем украинским — «они как-то солиднее и с ними все ясно, а у наших по семь пятниц на неделе» — лениво отмахивался от нее, и пупуся тоже прекращала спор. Но теперь и он завелся, как никогда, и шумно доказывал Жизели азы политики, в которой «бабы не разбираются, но все равно лезут». Она же, словно захлебнувшись ответным криком, вдруг с удивлением подумала: ее мудрого и веселого мужа попросту ломает эта ситуация. Она не знает, КТО сейчас говорит с ней — мальчик-истерик с телеканала «Звезда» или маразматический компартиец с «Красной линии», или самоуверенный остопоп с «России 1»? Чужие слова, за которые он хватается, как за соломинку, обескураживают его самого, но он еще повторяет и повторяет их по инерции. Можно ли на него, вот такого, рассчитывать теперь? Не сорвется ли он, осознав реальную действительность? За кого он? С кем он?